

«Сараево. План города»: специфика хронотопа

Место действия романа М. Ерговича «Сараево. План города» (2015) — родной город писателя, ключевое для всего его творчества пространство. Это своего рода изменчивая романизованная карта. В романе описано сразу несколько культурно-исторических Сараево: это и османский город, и австро-венгерский, и Сараево времен королевства Югославия, и город эпохи Тито, а затем и Сараево до и после войны 1990-х гг. в Боснии и Герцеговине. Пространство города в романе — прошлое нынешнего настоящего города, отмеченного для автора политическими и идеологическими попытками перекодировать и даже стереть историческую память. Фрагментированный текст романа состоит из личных воспоминаний, литературных сюжетов, истории города, размышлений о памяти и забвении, — это памятник старому, исчезающему или уже исчезнувшему Сараево. По мнению Э. Казаса, Ергович создал самый объемный, исчерпывающий и наиболее достоверный образ Сараево в боснийской литературе.

Ключевые слова: *М. Ергович, «Сараево. План города», хронотоп, сараевский текст, городской текст, боснийская литература.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.07

Миленко Ергович родился в Сараеве в 1966 г. С 1994 г. живет в Загребе, окончил филологический факультет Сараевского университета. С 1990-х гг. активно пишет для газет и журналов на территории бывшей СФРЮ¹. В 1988 г. он получил награду Мака Диздара за сборник стихов «Обсерватория Варшава» (“Opservatorija Varšava”), в 1990 г. — награду Веселко Тенжера за журналистскую деятельность, в 1994 г.

¹ В 1990-х гг. сотрудничал с еженедельной газетой «Воскресная Далмация» (“Nedjeljna Dalmacija”) как журналист, позже стал заместителем ее главного редактора, писал для боснийского журнала «Дни» (“Dani”), для газеты «Утренний лист» (“Jutarnji list”), для сербской газеты «Политика» и сплитского еженедельника “Feral Tribune” и др.

— премию мира имени Эриха Марии Ремарка и награду «Ксавер Шандор Джальский» за сборник «Сараевское Мальборо» (“Sarajevski Marlboro”)², в 2003 г. — итальянскую литературную премию «Гринцане Кавур» за сборник рассказов «Мама Леоне» (“Мама Leone”), в 2007 г. — награду Меши Селимовича за роман «Рута Танненбаум» (“Ruta Tannenbaum”) и др. Его тексты переведены на многие европейские языки³. Действие большей части его произведений развивается на просторах бывшей Югославии, за исключением романа «Бьюик Ривьера», который повествует о встрече беженца из Боснии и беженца из Сербии на американской земле. Ергович — активный участник литературной жизни Боснии и Хорватии, сам себя он не считает ни хорватским и ни боснийским писателем, «а принадлежащим только тем, кто по собственному желанию читает его книги на языке, на котором они написаны, независимо от того, какой они национальности»⁴ [здесь и далее перевод с боснийского мой. — *Е. III*].

В центре внимания Ерговича простые люди, события их жизни: как уличный фотограф, он находит красоту в повседневности, которая становится катализатором для рассуждений о Боснии, (бывшей) Югославии, их истории и современности. Он не только пишет о самых разных (чаще — боснийских) семьях и их частных историях, но и ведет «летопись проблемы идентичности, проблемы, ставшей причиной самых страшных страданий в Европе»⁵, что делает его творчество особенно востребованным в обоих полушариях планеты. Однако географически мир Ерговича-писателя — это Босния, и уже — Сараево.

2 Первый, самый известный и успешный, сборник рассказов о Боснии во время войны — «Сараевское Мальборо» («Sarajevski Marlboro») — вышел в 1994 г.

3 Публикации на русском языке: Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. С. 251–258; Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 90–100; Отец, главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. С. 151–164; Роман «Gloria in Excelsis». М., 2018 (Серия «100 славянских романов»); Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.

4 Miljenko Jergović // Vecernji.hr. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474> (дата обращения: 10.09.2020).

5 Doris L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (перевод с немецкого Anne-Kathrin Godec) // Fraktura.hr. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (дата обращения: 10.09.2020).

Место действия романа М. Ерговича «Сараево. План города» (2015), а также его дебютного сборника рассказов «Сараевский Мальборо» и других его романов («Отец», «Род», «Барабаны ночи») — родной город писателя. Это ключевое для его творчества пространство: в «Сараевском Мальборо» город показан через призму восприятия героев, в романе «Род» — это место, где вершится судьба семьи переселенцев, пытающихся укорениться в городе, их отторгающем, в «Барабанах ночи» Сараево до и во время Первой мировой войны показано глазами главного героя Йосипа Губерника в форме дневниковых записей — и снова это город, отторгающий героя. По мнению хорватского литературного критика Б. Алейбеговича, романом «Отец» (2010) Ергович открыл в своем творчестве новую главу, посвященную исследованию соотношения документальной реальности и художественного вымысла, эта же проблематика станет ключевой и в последующих романах — «Род» (2013) и «Сараево. План города». И если «Отец» посвящен исследованию отношений героя с родителем, а «Род» — роман-сага о семье прадеда Ерговича, его детей и внуке, то «Сараево. План города» — своеобразная надстройка над предыдущей книгой, его можно читать как ее составную часть [...]. В новой книге Ергович переносит тематический фокус с семьи на более широкий — городской — план⁶. Это роман, в котором именно город становится главным действующим лицом, это своего рода изменчивая романизованная карта, собранная из звуков, запахов и воспоминаний, деревьев, переулков, улиц и площадей, синагог, мечетей и старых домов, неразрывно связанных с человеческими судьбами и историческими событиями. Как точно отметил Э. Казас, это «антропологический роман, исследующий мнемотопическую сеть города; в его повествовании встречаются и дополняют друг друга различные дискурсы: научный, в первую очередь антропологический, культурно-мемуарный, социологический, историографический и повествовательный, в первую очередь биографический и хронический, повествование часто переходит в поэзию, когда рассказчик, описывая события из своей собственной жизни, переключается на исповедальное воспоминание самого себя⁷.

⁶ Alejbegović B. Literarni spomenik rodnome gradu. Nova Istra. Br. 3–4. 2016. S. 325.

⁷ Kazaz E. Arhiv alternativne prošlosti. Magazin Plus. <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/> (дата обращения: 10.09.2020).

Это не роман в привычном понимании жанрового термина, поскольку в нем отсутствуют сюжетная основа и центральные персонажи, а текст сильно фрагментирован. В центре «Сараево. План города» лежит не одна история, а огромное их количество, так что главным персонажем становится человеческая жизнь в ее многообразии, происходящая на фоне городского пространства, во многом им и определяемая. Описание каждой улицы или площади перетекает в микророман о чьей-то жизни. Не имея возможности посвятить каждому герою достаточное пространство текста, Ергович дарит им своего рода вечную жизнь в своем литературном городе. Город — это прежде всего люди, именно они его строили, создавали его внешний облик, они же его меняют.

В романе сосуществует несколько нарративов. «Я»-нарратор из авторской современности, проживающий в Загребе, появляется и проявляется только в собственном воображаемом прошлом Сараево, где он обращается к себе прошлому, на «ты»: «Дальше ты сам, потому что я уже не уверен, карабкаюсь по памяти»⁸ (S. 20). «Я»-нарратор стилистически и лексически близок рассказчику из книги «Всякая всячина»⁹ (“*Tušta i tma*”, 2014), созданной на основе e-mail-переписки М. Ерговича и С. Басары¹⁰. Вероятно, имеет смысл говорить и о бессловесном «ты»-нарраторе: о том, к кому постоянно обращается романное «я» Ерговича, кто ходит по описываемым улицам и вспоминает быт 1970-х и 1980-х гг., о том, чьи воспоминания делают роман таким живым, ярким, теплым, наполненным любовью к утраченному детству. В романе присутствует и историографический нарратив: это всеведущий обезличенный (лишенный автобиографических черт) автор, описывающий городскую реальность или озвучивающий документы, призванный воссоздать прошлое города, показать его в развитии. Нарратор-историограф приводит те или иные факты, дает характеристику описываемому времени, часто прибегает к использо-

8 Здесь и далее цитируется: *Jergović M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015. Страницы указаны в тексте.*

9 Подробнее см.: *Шатко Е. В. Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина» // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2018. С. 212–228. (Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»).*

10 Светислав Басара — сербский писатель, драматург, колумнист и эссеист.

ванию перечня: так, например, 4 страницы занимает список выпускников гимназии с указанием адреса и рода занятий, а предпоследняя глава практически полностью состоит из перечисления кафе, буфетов и ресторанов Сараева 1937 г. с указанием имен владельцев и адресов. Поскольку Егрович долгое время живет в Загребе, создание каталога сараевских улиц по воспоминаниям актуализирует в романе тему памяти и забвения.

Совмещение различных нарративов, как техника пэчворк, объединяет социальное, культурологическое и историческое исследование города с глубоко личной исповедью героя, рассказывающего о своем прошлом, о детстве и молодости, о потерянном доме, невозможности укорениться нигде, кроме как в нереальном, вымышленном Сараеве: «Сложно полностью описать город, Сараево, в котором ты жил, по воспоминаниям, и через описание каждой детали, каждого закоулка и фасада, перестать видеть это место во сне и так прогнать его из головы. Это большая затея, может и до конца жизни продлиться. Поэтому лучше сдать и принять то, что как будто из-за какого-то проклятия сны происходят там, где тебе быть нельзя, где ты быть больше не можешь» (с. 101). Складывается ощущение, что книга «Сараево. План города» — и есть часть такой «большой затеи» длиной в жизнь.

Пространство романа — это, в первую очередь, сам город¹¹. Четко ограниченное место действия¹² будто дает автору карт-бланш во временной организации произведения. В романе описано сразу несколько культурно-исторических портретов Сараева: это и османский город (1462–1878), и австро-венгерский (1878–1918), и Сараево времен Королевства Югославия (1918–1945), и город эпохи Тито (1945–1992), а затем и Сараево до и после войны 1990-х гг. в Боснии и Герцеговине. Это также и онейрическое пространство или воспоминания о снах «я»-нарратора. В романе совсем мало современного города, как мало его и в жизни автора, питающего неприязнь к нынешнему отношению людей к памяти: они не видят дальше чем на один год вперед и потому бездумно меняют вековые мостовые на асфальт.

В заметке об авторе (к каждому своему роману Егрович пишет новую) указано: «...родился в Сараево в 1966 г. В последние годы за-

11 За исключением нескольких упоминаний Загреба длиной не более предложения.

12 Или точнее — место воспоминаний, личных или архивных; фрагментарность текста и отсутствие сюжета не позволяют говорить о «действии» в привычном понимании термина.

нимается исследованием соотношения документальной реальности и фикции». Вот и в романе сосуществуют Сараево *реальный, культурный и личный*. *Реальный* город — это описания улиц, зданий, площадей, целых городских кварталов, их жителей. Это своего рода прогулка с экскурсоводом-Ерговичем, который, ссылаясь то на книгу Алии Бейтича 1973 г. «Улицы и площади Сараева», то на телефонный справочник 1941 г., рассказывает то целые семейные саги, то богатую на события биографию политического деятеля, то описывает быт типичной сараевской узенькой улочки. Будто рассматривая карту города, автор описывает улицы, одну за другой, каждая становится толчком к личному воспоминанию или же к рассказу о жизни человека, жившего здесь или давшего этой улице название. Большое внимание автор уделяет смене названий улиц: во-первых, знание и использование старого названия позволяет вычислить «настоящего сараевца», во-вторых, это отметины эпох, историко-социальных процессов на лице города. Для Ерговича «это всегда насилие над памятью», ведь «город, в котором улицы меняют названия, практически превращается в какой-то другой город» (s. 263). Зачастую именно факт смены названия провоцирует то или иное авторское размышление или становится толчком к началу нового сюжета. Исключением и поводом для сопоставления на первый взгляд несопоставимого становится для автора переименование улицы Мустафы Голубича (революционера и сотрудника Коминтерна) в улицу Тина Уевича (хорватского поэта эпохи СФРЮ): «...эта парочка имела некоторые общие характеристики — Тин любил севдалинки, а Мустафа прекрасно их пел. Тин любил террористов, покушающихся на чью-то жизнь, а Мустафа убивал людей, Тин верил в лучший мир, а Мустафа в коммунистическую партию» (s. 264).

Сараево *культурный*, «обязательно отличающийся от карты и плана реального города [...], существует так, как его написали: есть только те улицы, которые живы в рассказах и, может, стихах хороших писателей. Некоторые в реальности маленькие, зажатые между домами, едва заметные улочки и тупики на литературной карте города важнее и заметнее широких городских шоссе, бледных и безмянных...» (s. 15). Автор обращается не только к литературным текстам, но и к народным песням, романсам. Улицы, названные в честь деятелей искусства (писатель и драматург Бранислав Нушич или композитор Стеван Морканьяц), становятся отправной точкой для исследования параллелей между их судьбами, современной им общественной жизнью и процессами, протекающими во временной плоскости автора — «здесь и сейчас».

Сараево как *личный* город наполнен детскими воспоминаниями автора, поданными сквозь призму его эмоций и реакций. Этот город ненадежен, зыбок, это «город из сна» (с. 24): «С тех пор как я больше не приезжаю в Сараево [...] его улицы начали растворяться у меня перед глазами. Я вижу каждое здание, мечеть и домик так, как бы они выглядели на макете в Музее города, но подозреваю, что это не то Сараево, что было, пока мы там жили, и не то, что есть сегодня, а какое-то третье Сараево, формирующееся в моей голове, чьи очертания смешиваются с реальными воспоминаниями, перекрывают и подавляют их, так что я больше не знаю, что я помню, а что создано стремлением к этому городу, как фантомная, ложная память» (с. 265). К пространству личного города относятся сны «я»-нарратора: «Большинство моих снов по какой-то сложившейся матрице, описанной в учебниках психологии, имеет место в Сараеве» (с. 97).

Нельзя не отметить, что все три ипостаси Сараева, представленные Ерговичем, связаны с прошлым, город сегодняшней, по мнению писателя, отмечен политическими и идеологическими попытками перекодировать или даже стереть историческую память. Поэтому роман — попытка сохранить то, чего больше нет, то, что запечатлено в памяти людей. В самом начале романа, вспоминая деда, Ергович говорит о том, что для него так ценно и что необходимо сохранить, пока оно не исчезло: «Это память. Моему Деду было необычайно важно, чтобы у людей была память. Он ничего не имел против тех других, тех, которые забывали или которые откуда-то сюда перебрались, ему просто было важно, чтобы рядом с ним были те, кто помнит, и ему было приятнее, если таксист посмотрит на него этим своим таксистским взглядом искоса и скажет: “Сепетаревац¹³?”, а не молча ответит его на улицу Миле Радоевича. Его жизнь была — память. [...] Прошлое, прошлое роскошное и богатое на истории. Поэтому и были важны таксисты, что спрашивали: “Сепетаревац?”. Они показывали, что тоже помнят, что и им память важна. Они были его братьями по памяти» (с. 11). Кажется, что и Ергович предлагает читателю окунуться в его собственное «важно»: в личные воспоминания, литературные сюжеты, историю города, даже простой телефонный справочник, чтобы стать его братом по памяти о давнем, исчезающем или уже исчезнувшем Сараеве.

Книга пропитана духом 1970-х и 1980-х, того времени, в котором рос тот «ты», к которому обращается Ергович. Но улицы, по ко-

13 Старое название улицы Миле Радоевича.

торым «ты» ходил с бабушкой за руку, наблюдая за жизнью своего района, несли (и несут) на себе отпечаток и других времен: вот дома, построенные еще в эпоху Османской империи, а по этим улицам из города во время оккупации уводили евреев. Так личная карта памяти Ерговича, положенная в основу романного хронотопа, будто подталкивает рассказчика завернуть за угол и вспомнить или даже узнать и тут же рассказать историю жизни других людей (известных или нет — неважно), и тем самым стать ближе к самой Истории города. Автор мастерски рассказывает биографии и тех, кого он знал лично, и тех, чьи жизни теперь — сухие архивные справки; забытое и утраченное оживает на страницах романа и становится вечным. «У этого города потихоньку начинает не хватать частей. Исчезают улицы и целые районы так же, как исчезают люди. [...] За последние десять лет я разошелся, где-то, может, и резко, в обстоятельствах для меня неудобных, со многими сараевскими знакомыми и друзьями, с кем-то, кого я раньше называл приятелями. [...] Они пропали, как пропадают улицы, по которым я долго не ходил, да и не думал о них. Сараево из сна — маленький город, населенный мертвыми» (s. 24). Так Ергович делает попытку удержать ускользающее время.

Важно отметить, что, даже стремясь сохранить свою личную память, в том числе о детстве, Ергович не приукрашивает действительность: отказываясь от романтизации мультирелигиозности и многонациональности города, он показывает напряженные отношения между людьми, рассказывает о конфликтах, непонимании, неприятии, говорит об утраченной идентичности. В этом смысле Сараево становится Боснией и Герцеговиной в миниатюре. Роман художественно подтверждает сказанное Ерговичем на круглом столе, посвященном национализму, отраженному в литературе: «Они [националисты. — *Е. Ш.*] вам объясняют, кто вы такой на самом деле в смысле национальной идентичности. [...] Когда боснийские националисты в сараевских газетах пишут обо мне с целью поставить меня на место, они пишут: хорватский писатель, бывший сараевец. Как будто можно быть бывшим сараевцем. Как будто вы можете в паспорте поменять место рождения. А вы не можете, даже если хотите»¹⁴.

О Сараеве писали И. Андрич, например, в эссе «Это город», Д. Джамоня, действие произведений которого чаще всего развивается на фоне так наз. альтернативного Сараева времен Югославии,

14 URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/sarajevo-plan-gradajedan-pogled/> (дата обращения: 10.09.2020).

И. Самоковлия, перенесший на страницы своих повестей и рассказов жизнь сараевских евреев, Д. Карахасан, создавший в своих эссе мультирелигиозный и многонациональный образ боснийской столицы. По мнению Э. Казаса, Ергович создал самый объемный, исчерпывающий и наиболее достоверный образ города Сараево в боснийской литературе¹⁵. Исследование этого образа, его топоса и мифологии в творчестве как вышеупомянутых, так и других писателей может стать началом изучения сараевского текста как феномена боснийской литературы, а может быть, и некоторых литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Такого рода исследование позволит выявить повторяющиеся, устойчивые характеристики художественного воплощения города, обнаружить и высветить различия в его трактовке, отражающие индивидуальные особенности авторов.

Источники и литература

Alejbegović B. Literarni spomenik rodnome gradu. Nova Istra, 2016. Br. 3–4. S. 325–329.

Doris L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (перевод с немецкого Anne-Kathrin Godec) // *Fraktura.hr* [сайт]. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (дата обращения: 10.09.2020).

Jergović M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015. 474 s.

Kazaz E. Arhiv alternativne prošlosti. Magazin Plus. <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/> (дата обращения: 10.09.2020).

Miljenko Jergović // *Vecernji.hr* [сайт]. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474> (дата обращения: 10.09.2020).

Nonin G. Ajflov most. Sarajevo. Plan grada. Jedan pogled. <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/sarajevo-plan-grada-jedan-pogled/> (дата обращения: 10.09.2020).

Ергович М. Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.

Ергович М. Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 90–100.

Ергович М. Отец, главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. С. 151–164.

¹⁵ *Kazaz E.* Arhiv alternativne prošlosti. Magazin Plus. URL: <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/>

Ергович М. Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. С. 251–258.
Ергович М. «Gloria in Excelsis». М.: Центр книги Рудомино, 2018. 544 с. (Серия «100 славянских романов»).

Шат'ко Е. В. Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина» // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова, М., 2018. С. 212–228. (Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»).

References

“Miljenko Jergović”. *Vecernji.hr*. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474> (accessed: 10.09.2020).

Alejbegović, B. “Literarni spomenik rodnome gradu.” *Nova Istra*. Br. 3–4. 2016, s. 325–329.

Doris, L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (translation from german Anne-Kathrin Godec). *Fraktura.hr*. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (accessed: 10.09.2020).

Ergovich, M. “Iz knigi «Mama Leone»”. *Inostrannaia literatura*. 2010, № 7, p. 99–100.

Ergovich, M. “Otets, glavy iz knigi”. *Inostrannaia literature*. 2011, № 6, p. 151–164.

Ergovich, M. “Rasskazy”. *Inostrannaia literatura*. 2006, № 10, p. 251–258.

Ergovich, M. “Vilimovski”. *Inostrannaia literatura*. 2019, № 10, p. 6–103.

Ergovich, M. *Gloria in Excelsis*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 2018, (Seriiia «100 slavianskikh romanov»), 544 p.

Jergović, M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015, 474 s.

Kazaz, E. “Arhiv alternativne prošlosti”. *Magazin Plus*. <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/> (accessed: 10.09.2020).

Nonin, G. Ajflov most. Sarajevo. Plan grada. Jedan pogled. <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/sarajevo-plan-grada-jedan-pogled/> (accessed: 10.09.2020).

Shat'ko, E. V. “Vzgliad na epochu: dialog M. Ergovicha i S. Basary v knige «Vsiakaia vsiachina»”. *Vektor non-fiction v sovremennykh literaturakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*. Ed. N. N. Starikova, Moscow, 2018, Seriiia “Sovremennye literatury stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy”, p. 212–228.

Evgeniia V. Shatko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“Sarajevo. Plan grada”: the specifics of the chronotope

The scene of the novel written by M. Jergović “Sarajevo. Plan grada” (2015) — the writer’s hometown, the key space for all his writing. It’s some sort of a fluid romanized map. The novel describes several cultural and historical Sarajevoes at the same time, such as an Ottoman city, and Austro-Hungarian, and Sarajevo during the Kingdom of Yugoslavia, and a city of the Tito era, and then Sarajevo before and after the war of the 1990s. in Bosnia and Herzegovina. The space of the city in the novel is the past of the today’s city, marked for the author by political and ideological attempts to recode and even erase the historical memory. The fragmented text of the novel consists of personal memories, literary plots, the history of the city, reflections on memory and obliteration — it is a monument dedicated to the old, disappearing or even already disappeared Sarajevo. According to E. Kazas, Jergović created the most voluminous, comprehensive and most reliable image of Sarajevo in Bosnian literature.

Keywords: *M. Jergović*, “*Sarajevo. Plan grada*”, *chronotope*, *Sarajevo text*, *urban text*, *Bosnian literature*.